

МОЙ СЕРЫЙ БАРАН

В то лето для меня не было дела важнее, чем найти способ не засыпать, когда отара ложилась отдыхать, и не проспать ее, не терять. Думал я, думал, и к своей радости придумал — решил приучить большого серого барана, что-бы он во время отдыха овец лежал возле меня. Я брал с собой соль, давал ему полизать ее, старался кормить хлебом. Короче говоря, я приручил барана. Когда овцы, вдоволь наевшись обильной травы, ложились на отдых, серый баран сам подходил ко мне, ложился возле меня, я клал голову на него и, глядя на высокое синее небо, засыпал. А как я спал! Такого сна, наверное, больше не было нигде — как спалось на зеленой горе Ташсыз. Когда стадо вставало, вставал и мой серый баран, голова моя падала на траву, я просыпался и следовал за отарой. Мне теперь уже не страшен был никакой туман. Каждый день я пригонял овец к кошу в положенный час.

— Вот молодец племянник, каким прилежным чабаном стал! — похвалил меня, Горда. — Тогда ты проспал отару случайно. Потом учел свою ошибку. Видишь, теперь все хорошо.

— А теперь тебя не тянет ко сну во время отдыха стада? — спросил Тебо.

— Хочется, — ответил я.

— Как же отгоняешь сон?

— Отгоняю, — ответил я, скрывая открытый мною способ.

— Молодец, — похвалил меня Тебо. — Я был в ауле, говорил твоей маме, каким хорошим чабаном ты становишься.

— А что она сказала?

— Обрадовалась, просила передать, что она довольна тобой.

— Спасибо, дядя Тебо.

Я скрывал от старших то, что спасением для меня стал серый баран. Думал, что надо признаться Горде и посоветоваться с ним — стоит ли и другим открыть мой секрет, но дни шли за днями, я продолжал скрывать свое открытие даже от Горды.

Но ему-то во всяком случае я действительно собирался сказать о том способе, который я нашел, чтобы не просыпать, не терять отару, и которым я пользовался уже около месяца. В те времена наши чегемцы в пятницу не работали — это был день молитвы и отдыха у магометан. Когда утром в одну из пятниц я угонял отару пасти, Горда оставался в коше. А в полдень решил прийти ко мне, подняться на Ташсыз, где в это время обычно отдыхали мои овцы. Он поднялся ко мне как раз в тот час, когда я спал, положив голову на серого барана. Вот на его глазах баран мой встал, голова моя, как и каждый раз, упала на траву, я проснулся, открыл глаза, собравшись встать и идти за отарой, и увидел моего Горду, стоявшего в двух шагах от меня. Он улыбался, качая головой. Я сразу вскочил. Тумана на этот раз не было.

— Вот как ты устроился, племянник! — сказал Горда, продолжая улыбаться. Я не понял — одобряет он или осуждает.

— Я, дядя Горда, нашел способ, — пролепетал я и ждал, что дальше скажет мой дядя и друг.

— Хорошо придумал. — Горда уже не улыбался, и я начал огорчаться, решив, что он не одобряет мой поступок, мою выдумку.

— Так пришлось, дядя Горда. Это плохо, да?

- Что ты, что ты. Я же сказал, что хорошо.— Горда подошел ко мне и обнял меня.— Молодец, Ако, что придумал такое. Это еще никому в голову не приходило. Я такого никогда не видел и даже не слышал о подобном способе спать. Я был рад тому, что Горда одобрил мое открытие.
- Меня не сочтут за плохого чабана, если старшие узнают о том, что я придумал? — спросил я.
- Ну, ну! Все будут смеяться и хвалить тебя за твою сообразительность, назовут тебя умницей.
- Правду ты говоришь, Горда?
- Конечно. Ты ведь впервые придумал это. Как тебя не хвалить?
- И хорошо придумал, дядя Горда?
- Хорошо, очень хорошо. Этого не было даже в моих сказках.
- А ты мне расскажешь новую сказку за мою выдумку?
- Расскажу.
- Сегодня расскажешь?
- Нет, мальчик мой, сегодня я не настроен, сегодня я отдыхаю от работы и от сказок, ни о чем не думаю. Поэтому и пришел к тебе сюда на зеленую гору Ташсыз.
- А на этой горе лучше отдыхается, чем внизу?
- Да, здесь высоко, воздух чище, кругом видно далеко. Мы с тобой будем смотреть на белизну снегов вершин, на синеву неба, на движение облаков, на пасущиеся стада. Э-эх, как хорошо, мой мальчик, мой Ако!
- А вот когда сюда опускается туман, ничего кругом не видно.
- Не беда, Ако. Это бывает не каждый день. А кроме того, когда туман, тоже по-своему красиво.
- «Красиво!» — пробурчал я.— Из-за этого тумана я потерял тогда отару и избил меня этот злой Мажид.
- За то, что избил тебя, он и сам получил.
- Да, я видел.
- А ты видишь, Ако как здесь, на нашем пастбище, красиво?
- Вижу,— ответил я, хотя об этом и не подумал ни разу.
- Ты доволен тем, что я привез тебя сюда?
- Доволен. Только вот, дядя Горда, тоскую по маме и по сестренке Маржан, и по мальчишкам в ауле.
- Ничего, зато твоя мама довольна тем, что ты уже работаешь, пасешь овец, значит, стал большим, уже работник. Знаешь, какая это радость для твоей мамы. Ты ведь один у нее сын.
- Мама довольна, да, дядя Горда?
- Еще бы! Единственный сын, ее надежда и опора, становится работником! Вот как дело обстоит.
- А как ты думаешь, дядя Горда, я буду хорошим чабаном?
- А тебе хочется?
- Да.
- Тебе нравится быть чабаном?
- Нравится.
- Тогда будешь. Ты уже становишься хорошим чабаном.
- Правда?

- Правда. Во всяком деле нужны желание и рвение, нужна сообразительность. Ты же так замечательно сумел придумать эту историю с серым бараном.
- Тебе понравилось?
- Еще как! Но ты учишься в школе. В нашем детстве этого не было. Мы тогда в ауле не имели школы. Ты, может быть, Ако, станешь ученым?
- Не знаю. Пока я хочу быть чабаном, пасти овец на зеленых пастбищах. Я уже привыкаю.
- Говорят, быть ученым тоже хорошо.
- Не знаю.
- Книг много сможешь тогда прочесть. В них, говорят, написано обо всем на свете.
- Обо всем?
- Да.
- И об овцах?
- Наверно.
- И о верблюдах?
- Наверно.
- И об осликах?
- Должно быть, и об осликах.
- И о нас с тобой?
- Не знаю. Вот станешь читать книги, и моих сказок слушать уже, наверно, не захочешь.
- Почему?
- Потому что книги, думаю, интереснее моих сказок.
- В книгах сказки тоже есть?
- Не знаю, не могу сказать.
- Нет, дядя Горда, я твои сказки буду слушать всегда.
- Ну ладно, решили, что будешь слушать мои сказки даже тогда, когда станешь большим ученым.
- Буду.
- Договорились.
- А сегодня совсем не хочешь рассказать мне сказку, Горда?
- Нет, я уже сказал тебе, что сегодня не смогу, не получится. Сказку надо рассказывать только тогда, когда хочется. Сказка приходит только в свой час, как рассвет или вечер, она течет так же свободно, как речка в ущелье. Сказка дарит человеку крылья, пешего делает верховым, дарит свет. Ее любят и понимают, Ако, только хорошие люди.
- А кто хорошие люди, дядя Горда?
- Хорошие люди?
- Да.
- Хорошие люди — это те, которые хорошо делают свое дело, другим не желают зла, не отнимают у соседей кусок хлеба или клочок земли. Хорошие люди — это мужественные, щедрые люди, а главное — добрые. Вот у нас хорошие люди — это твоя мама, мой брат Тебо, слепой столяр Кайсын. В нашем ауле есть хорошие люди.
- А ты, дядя Горда?
- А я рассказываю сказки.
- Ты же оказал, что сказки любят только хорошие люди. А разве слагают их и

рассказывают нехорошие люди?

— Хорошие. Плохому человеку не до сказки, он не может ее сложить, она ему не нужна.

— Тогда ты хороший человек, дядя!

— Ну, хватит тебе, племянник, хватит! — отмахнулся Горда.

— Ты хороший, очень хороший, мой любимый дядя Горда.

— Оставим это, оставим, племянник.

— Скажи, дядя Горда, а противный Мажид может сложить сказку?

— Нет.

— А рассказать?

— Тоже нет.

— Почему?

— Потому что он не создан для этого. Он злой.

— А слушать их он может?

— Нет, он никогда не слушает их.

— Почему?

— Они ему не нужны. Он их не понимает. Мажид любит много есть и много спать.

— Ох, противный!

— Да, я тоже не скажу, что он приятный. Таких людей немало на свете. И в нашем ауле их достаточно. Но ты на это не обращай пока внимания. Ты пока ребенок. Станешь большим, все сам поймешь — хорошее и плохое, добрых и злых людей. Все поймешь, Ако, все.

— Ты же сам говорил, что я уже большой, что я уже хороший чабан.

— Большой, конечно, если вспомнить, каким ты был года четыре назад, и все же...

— А сказки нужны только хорошим людям, да?

— Да, Ако, да. Они нужны только тем, у кого есть душа.

— А разве есть такие люди, у которых нет души?

— Конечно, есть.

— Такие, как Мажид, да?

— Да, такие. И другие бывают. Всякие есть. Я же сказал тебе — потом узнаешь все сам. Не спеши, мой мальчик.

Пока мы, беседуя, двигались за отарой, приблизился вечер, сумерки стали ложиться на снега хребтов, на траву склонов. Мы не спеша стали гнать овец в сторону коша.

— Ты голодный? — спросил Горда.

— Нет, не очень, — ответил я, хотя и был голоден. Мне не хотелось показаться слабым. — У меня был азык с собой, как всегда, я поел в полдень.

— Ничего, скоро придем в кош, наешься и будешь спать.

— А сказку не расскажешь?

— Сегодня нет. Я же говорил тебе. У сказки бывает свой день и час.

В тот вечер Горда действительно не стал рассказывать сказки, я быстро уснул на коше. На следующее утро я погнал свою отару не на Ташсыз, а на склоны местности Каялы, где была высокая трава. Это подсказал мне Тебо. Приблизился полдень, овцы продолжали пастись. Я сидел на траве и смотрел на рыжевато-желтые скалы на той стороне ущелья, которое находилось рядом. Отара моя паслась над высочайшей скалой этого ущелья под непонятным мне названием Кулемен. Я сидел и боролся со сном, когда увидел, что мой любимый серый баран, мой помощник и спаситель, дерется с большим черным бараном. Они дрались, отделившись от отары. Один из них отходил и с разбегу нападал на

другого. Они наносили друг другу такие удары, что мне казалось, что от их рогов отлетают искры. Я кинулся разнимать их, мне хотелось сласти своего любимца, но ничего не получалось. До этого я не знал, что так отчаянно могут драться бараны, я впервые видел их яростную борьбу. Мне не удалось остановить их, разнять взбесившихся противников. Когда мне показалось, что мой Серый побеждает, враг его ослабевает и вот-вот покинет поле боя, неожиданно вступил в бой второй черный баран с большими кручеными рогами. Он подбежал, ударил Серого, но не сумел свалить. Тогда он отошел на большее, чем первый раз, расстояние и, сильно разбежавшись, ударил моего барана изо всех сил. Мой Серый мгновенно исчез. Я догадался, что он полетел в пропасть. Я заплакал и стал гнать и бить палкой двух злодеев — черных баранов. — Убийцы, — кричал я, будто бараны могли меня понять.

Я знал тропу, которая спускалась в ущелье Кулемен. Я пошел по ней, наивно думая, что мой баран полетел вниз и, может быть, ничего с ним не случилось и я приведу его назад. Ущелье, заросшее густым лесом и высокой травой, было не широкое, но нельзя сказать, чтобы оно мне показалось и очень узким. В нем было много малины и смородины, особенно черной. Спустившись вниз, я пошел направо, полагая, что туда и должен был упасть мой серый баран, полетевший в пропасть. Пройдя немного, я увидел своего любимца — он не долетел до дна теснины, висел, зацепившись за дерево, метрах в двух, был разбит, разодран, мертв. Мне хотелось добраться до него, но я не смог. Корявое толстое дерево росло на зеленом пояске. Выше и ниже него скала была гранитная, отвесная, взбираться по ней оказалось невозможным. Я смотрел снизу на мертвого барана и думал, что до него не могут добраться ни волки, ни лисы, ни другое какое зверье, а вот орлы и черные вороны растерзают, растащат, съедят беднягу. В эту минуту до меня донесся какой-то шум — показалось, что кто-то раздвигал ветви. Я оглянулся и недалеко за речушкой, протекавшей по дну ущелья, увидел огромного зверя с белой шеей. Я догадался, что это медведь, и пришел в ужас от страха. Еще бы! Он стоял у куста черной смородины, подняв передние лапы, и смотрел на меня. Медведя я видел впервые, но догадался: этот зверь — медведь, потому что слышал много рассказов, связанных с ним, да в сказках Горды он встречался не раз. Охваченный страхом, я не знал, что делать, куда податься. Хотел кричать, но от страха снова пропал голос. А если бы даже кричал очень громко, зовя людей на помощь, кто бы услышал меня? Я ведь находился в глубоком ущелье, заросшем лесом. Никакой помощи не могло быть ниоткуда. Я так и сел на камни там, где стоял, не мог двинуться с места, хотя единственным желанием было бежать обратно по тропе — туда, откуда пришел. В наших горах медведей было много, взрослые в ауле часто о них рассказывали. Мне запомнилось, что медведь, столкнувшись с человеком, не бросается на него, если тот не тронет зверя. А если потревожил его человек или ранил, то тогда он страшен и беспощаден. Думая об этом, хотя ничего и не мог бы предпринять, я сидел, как мертвый. Не знаю, сколько прошло времени, медведь опустил на передние лапы и пошел вниз по ущелью в противоположную моей тропинке сторону, больше не обращая на меня внимание. Я не сразу мог оценить свое счастье и понять, что страшная опасность миновала. Постепенно я пришел в себя, поднялся и, не оглядываясь, пошел обратно к своей отаре по той же тропинке, которой спускался в ущелье. Сердце мое сильно колотилось. К моей радости, овцы находились там же, они отдыхали, лежа в густой траве склона. Я сел на траву возле отары и думал о том, что я спасся от верной смерти,

что это был первый такой сильный страх в моей жизни, первая встреча с большой опасностью, как избиение меня Мажидом было первой самой большой обидой, унижением и насилием надо мной, бессильным. Я сидел, все смотрел в сторону ущелья и никак не мог успокоиться. Тут мне вспомнилась одна история, приключившаяся с двоюродным братом моего покойного отца Шабазом, когда ему, высокому и очень сильному мужчине, было лет тридцать пять. Не раз старик рассказывал в ауле по нашей просьбе историю о том, как он дрался с медведем с белой шеей. Он говорил, медведь такой масти бывает самый злой, к тому же если это самец. Это я тоже помнил. А история была такая.

Летним днем Шабаз шел по лесистому, как Кулемен, ущелью и наткнулся на медведя, который ел черную смородину, согнув большой куст. Шабаз растерялся, схватил камень и бросил в зверя. Медведь, страшно разозлившись, накинулся на обидчика. Они схватились. Сколько длился бой, не знаю, но, конечно, борьба была смертельно яростной. Как Шабазу ни было страшно и трудно, но ничего человеку не оставалось, как бороться до последних сил. Медведь старался растерзать его. Но несмотря на это, Шабазу уда-ось во время жуткой беспощадной драки добраться правой рукой до рукоятки кинжала, висевшего у него на поясе, вытащить его и вдвинуть в пасть и в горло зверя, и несколько раз повернуть кинжал там. Тогда медведь жутко зарычал и упал на спину. Измученный и израненный человек все же сообразил, что победа за ним. Человек поднял голову и ужаснулся — ничего он не видел, мир стал темным. Не зная, что делать, стоная и рыча, как зверь, Шабаз пополз к речке, которая протекала рядом, приполз, припал к воде и, набирая ее руками, попытался помыть лицо, смыть кровь, думая, что она, кровь, закрыла от него Божий свет. Когда коснулся своего лица, он почувствовал, что на лице висит какая-то кожа. Он поднял ее кверху и снова прозрел, увидел мир. Тогда он понял, что зверь целиком содрал кожу с его головы и она закрыла ему лицо и глаза. Откинув назад эту кожу, он поднял сук с земли и, опираясь на него, побрел к дороге. Коня у него не было, пеший он не мог в таком состоянии добраться до дому. Он стал ждать какого-нибудь верхового или аробщика, который мог бы отвезти его домой. Ждал долго, едва не теряя сознание, боясь истечь кровью, но, наконец, возле него остановилась воловья арба. Это ехал в аул сосед, хромой Келлет, который и доставил его семье. Шабаз победил медведя и выжил потому, что был очень здоровый и сильный. Любил он рассказывать об этом. Можно было бы подумать, что он сочиняет, но это исключалось: на второй день родичи поехали туда, где Шабаз сражался с могучим зверем, нашли мертвого медведя с кинжалом в пасти. Они привезли в аул большую медвежью шкуру и кинжал. Шабаз из аула Чегем совершил немалый подвиг. Хорошо быть смелым, здоровым и сильным!.. Понимал ли я это тогда, думал ли о таких вещах — не знаю, не помню. Теперь дело другое!..

Гибель моего спасителя — серого барана — глубоко огорчила меня. Я возненавидел его убийц — двух черных баранов. Если бы они сорвались со скалы в пропасть или растерзали их волки, я был бы рад. Поэтому я не стал бы их приручать, как серого, если бы даже мог. Нет, не позволила бы моя ненависть к ним. Я думал о том, какой новый способ борьбы со сном придумать, хотя вскоре надобность в этом отпала. Рассказ же об этом будет позже. Независимо ни от чего, так жалко было моего красивого серого барана, почти месяц выручавшего меня.

